

УДК 94 (47)

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-121-143

НОВЫЕ ГРАНИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ¹

**Марченя П. П.¹, Анфертьев И. А.², Шалаева Н. В.³, Учаев А. Н.⁴, Пенькова О. Б.⁵,
Филатов Ю. И.⁵, Керимова-Коджаева Т.⁶**

¹ Московский университет Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

² Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация

³ Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии
имени Н. И. Вавилова
410012, г. Саратов, пр-т им. Петра Столыпина, д. 4, стр. 3, Российская Федерация

⁴ Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина
410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77, Российская Федерация

⁵ Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, Университетская ул., д. 24, Российская Федерация

⁶ Институт истории имени А. А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана
AZ1073, г. Баку, пр. Г. Джавида, д. 115, Азербайджанская Республика

Аннотация

Цель. В контексте современных теоретико-методологических подходов проанализировать некоторые аспекты новейшей истории России, охватывающие вопросы историософского, социокультурного и конкретно-исторического характера, раскрывающие суть советского государства.

Процедуры и методы. Представленные материалы основаны на подходах интеллектуальной истории, позволяющих выделить место СССР в истории XX в. В рамках этого подхода на основе системного и критического анализа изучены политические и социокультурные аспекты развития СССР.

Результаты. Проведён анализ транзита Русской идеи в контексте мировых процессов, выделены направления социокультурной эволюции России в новейшей истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого анализа могут быть использованы для формирования более глубокого понимания сущности СССР, его места и роли в истории России. Обращение к историко-культурному опыту XX в. и социальным практикам позволяет выработать более объективное отношение к деятельности советского государства, подчеркнуть положительные методы и формы работы. Материалы можно использовать в преподавании социально-гуманитарных дисциплин базовой и вариативной части в процессе обучения студентов.

Ключевые слова: история СССР, национальный транзит, национальная идея, государственная политика, социокультурное развитие и культурные практики

Благодарность. Авторы статьи выражают искреннюю признательность сотрудникам Центра социально-политической истории Е. Н. Струковой, И. С. Кучанову, В. П. Ланиной, которые по-

© ССВУ Марченя П. П., Анфертьев И. А., Шалаева Н. В., Учаев А. Н., Пенькова О. Б., Филатов Ю. И., Керимова-Коджаева Т., 2025.

¹ По материалам выступлений на Международной научной конференции «Новые грани актуальных проблем новейшей истории» 14 февраля 2024 г.

могли в организации международной конференции «Новые грани актуальных проблем новейшей истории», в рамках которой прошла презентация коллективной монографии «Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР».

NEW FACETS OF THE CURRENT PROBLEMS OF MODERN HISTORY

P. Marchenya¹, I. Anfertiev², N. Shalaeva³, A. Uchaev⁴, O. Penkova⁵, Yu. Filatov⁵, T. Kerimova-Kodzhaeva⁶

¹ *Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117997, Russian Federation*

² *Russian State University for the Humanities Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

³ *Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov prosp. Petra Stolypina, 4-3, Saratov 410012, Russian Federation*

⁴ *Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin ul. Politechnicheskaya 77, Saratov 410054, Russian Federation*

⁵ *Donetsky State University Universitetskaya ul. 24, Donetsk 283001, Russian Federation*

⁶ *A. A. Bakikhanov Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan G. Javid prosp. 115, Baku AZ1073, Azerbaijan Republic*

Abstract

Aim. In the context of modern theoretical and methodological approaches, to analyze some aspects of the contemporary history of Russia, covering issues of a historiosophical, socio-cultural and concrete historical nature, which reveal the essence of the Soviet state.

Methodology. The presented materials are based on the approaches of intellectual history, which make it possible to highlight the place of the USSR in the history of the 20th century. Within the framework of this approach, the political and socio-cultural aspects of the development of the USSR are studied on the basis of a systematic and critical analysis.

Results. The analysis of the transit of the Russian idea in the context of world processes is carried out, the directions of the socio-cultural evolution of Russia in recent history are highlighted.

Research implications. The results of the analysis can be used to form a deeper understanding of the essence of the USSR, its place and role in the history of Russia, an appeal to the historical and cultural experience of the 20th century, social practices allows us to develop a more objective attitude to the activities of the Soviet state, to learn positive methods and forms of work. The materials can also be used in teaching social and humanitarian disciplines of the basic and variable parts in the process of teaching students.

Keywords: history of the USSR, national transit, national idea, state policy, socio-cultural development and cultural practices

Acknowledgments. The authors of the article express their sincere gratitude to the staff of the Center for Socio-Political History E. N. Strukova, I. S. Kuchanov, V. P. Lanina, who helped organize the international conference "New Facets of urgent problems of modern History", within which the presentation of the collective monograph "Turning the pages of history ... To the 100th anniversary of the formation of the USSR" took place".

Марченя П. П.

СССР В ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ РОССИИ: РУССКАЯ ИДЕЯ И ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ТРАНЗИТА

Тема настоящего исследования велика и необъятна. Прежде чем перейти к СССР, попробуем для начала ответить на два «простых» вопроса. Во-первых, это вопрос, над которым в течение веков бились лучшие (и не только) умы России (и тоже не только): так в чём же она, *Русская идея*? Во-вторых, а какова *формула русского транзита* – пресловутого самобытного, неповторимого и уникального исторического пути России? Понятно, что на такие вопросы в рамках формата статьи можно ответить лишь предельно редуцированно и крайне упрощёнными тезисами.

Начнём с *Русской идеи*. Сегодня, когда России противостоят полсотни с чем-то стран Запада, модно говорить о некой беспрецедентной «новой реальности», однако стоит бросить хотя бы поверхностный взгляд на нашу историю, на её реперные точки, как мы увидим множество прецедентов. В прошлом веке вместе с гитлеровцами против нас воевала практически вся континентальная Европа, весь «Евросоюз» того времени. Так же как и в позапрошлом веке вместе с Наполеоном к нам вторглась «армия двенадцати языков» Европы; да и в Крымской войне против нас тоже воевал весь коллективный Запад. Так же как и в Северной войне за спиной Карла XII явственно маячили «евросоюзнички» образца XVIII в.; и в Великой смуте XVII в. западные интервенты уже считали, что Россия «отменена» и можно приступать к «цивилизованному» дележу её ресурсов; и Ливонская война XVI в. была *войной Запада против России* [33].

В этом контексте ещё со времён крестовых походов тевтонцев и прочих «псов-рыцарей» Европы «Дранг нах Остен» можно наблюдать враждебность западной цивилизации в отношении

цивилизации российской как альтернативной и несовместимой с «европейскими ценностями», ибо Европа строится на идеях «разделяй и властвуй», «грабь слабых». Это цивилизация изначально рабовладельческая и колонизаторская, цивилизация «золотого меньшинства» за счёт ограбленного большинства.

Чтобы хотя бы в самых общих чертах приблизиться к объяснению Русской идеи, требуется отдельно пояснить, по крайней мере, три слова – *Крепость*, *Империя* и *Держава*.

Запад мнит себя «Градом на холме», Россия же – это «Крепость над пропастью». Россия, объективно, прежде всего, *Крепость*: она вынуждена отражать атаки по меньшей мере две трети своей истории. В информационной войне против России, нас, в частности, традиционно призывают каяться за то, что мы поздно отменили так называемое «крепостное рабство». Однако, во-первых, *рабства* как такового у нас не было никогда. Если и в США, и в Западной Европе были настоящее рабство и работорговля, откровенное отношение к человеку как имуществу, с которым можно делать всё, что угодно, и за это ничего не будет, то в России крепостное крестьянство имело и от государства, и от помещиков определённые гарантии (различные салтычихи – это исключение, которое подтверждает правило, они наказывались государством). При этом в тех же США, которые мнят себя эталоном мировой цивилизации, самое лютое рабство было даже де-юре отменено только в 1865 г. (в некоторых штатах ещё позже), а расовая сегрегация («чёрным и собакам вход запрещён») продолжалась ещё как минимум целый век. Если говорить о Западной Европе, то, например, в Нидерландах – европейском флагмане мировых буржуазных революций – рабство на островах отменили (и то сначала лишь формально) в 1863 г.

Но дело даже не в этом. Понятие «крепостное право» (не рабство!) про-

исходило от слов «крепость» и «право» – и фиксировало оно не только форму «за-крепощения» и эксплуатации, но и форму защиты населения, и форму мобилизации, *служения*. Крепостным правом были охвачены не только крестьяне – идеей служения, интеграции в «Крепость России» была охвачена вся система взаимодействия власти и общества, этой «крепости» служили все её сословия.

Теперь об Империи. «Империя Россия» [20; 37] – не империалистична [36], у нас, в отличие от империй Запада, не было колоний, за счёт которых жила метрополия, наоборот, мы строили не резервации, а школы, больницы, консерватории, университеты, академии, космопорты... поднимали уровень жизни присоединяемых народов за счёт народа-донора. Призывы русофобов к России повиниться за «имперское прошлое» и отказаться от «имперских амбиций» в настоящем – это призывы к нашему геополитическому и цивилизационному суициду, требования отдаться на поток и разграбление. *Империя* для России – это форма бытия самой российской цивилизации, средство организации не столько пространства, сколько сознания, способ единения власти и масс через определённые *императивы*, веления свыше, духовную вертикаль [35].

Слово «Держава» – от «держать», «удерживать». Мы *сдерживаем* Зло. Русский философ В. С. Соловьёв писал, что «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [53, с. 453]. В принципе, это и есть идея «России державной» [51] – сдерживать мировое зло, удерживать мир от сползания в глобальный ад стандартизированного общества потребления, где не останется никаких культурных и цивилизационных идентичностей и традиционных ценностей [34].

В этом смысле *Русская идея* – стоять на пути врага рода человеческого, не пускать любых кандидатов в мировые гегемоны, которые хотят «стандартизировать

глобус» и заставить жить всех по «эталонам», «правилам» и «понятиям» одной-единственной цивилизации. И мы эту задачу их века в век выполняем, останавливаем очередных карлов, наполеонов и гитлеров.

«Русскую идею» целесообразно разделить, как это большевики в своё время сделали, на «программу максимум» и «программу минимум». *Программа максимум* – это конструктивный проект «светлого будущего», привлекательного для многих народов; он был у Киевской Руси, Московского царства, Петербургской империи, Советского Союза... У постсоветской России его пока *нет*. Это наша основная проблема и самый главный вызов, который стоит перед Россией в противостоянии цивилизаций. А вот *программа минимум* элементарна – не допускать мировую нечисть и нежить к господству над миром.

По поводу «русского транзита» [32]. Ситуация сейчас сложилась не забавная. Идёт настоящая война цивилизаций, уже даже не только прокси-, а мы до сих пор исходим из шаблонов западной транзитологии, из схем разделения мира на «ядро» и «полупериферию» с «периферией», на страны «развитые», «цивилизованные», «передовые», «модернизированные», «демократические» («первый мир»!) и на «нецивилизованные», «варварские», «отсталые», «авторитарные» (миры «второй» и «третий»). Калька якобы «всеобщего» движения мира «от авторитаризма к демократии» присутствует в нашем общественном сознании как «аксиома». При этом сейчас всем вменяемым людям уже понятно, что демократии как таковой на Западе нет, а авторитаризмом там называют любой режим, который опирается на западные ценности. Если институции и ценности, которые внедряют «региональные» элиты, близки к «мировым лидерам», то они именуются «модернизацией», «реформами» (иногда даже «великими»), но любые попытки опираться на самобытные традиционные ценности

собственной цивилизации объявляются «реакцией», «контрреформами», «авторитаризмом».

«Формула русского транзита», предельно упрощённая, это не «авторитаризм – демократия», а «Империя – Смута – Империя». Где «Смута» – это временное расстройство имперской системы взаимодействия власти и масс, при котором элиты утрачивают цивилизационную идентичность и единство с массами и действуют в интересах другой цивилизации.

Наша история знает, по крайней мере, три великие русские смуты [38; 39; 40; 41; 42; 43]: XVII века, 1917 года и текущая, которая началась в 80-е годы прошлого столетия, переросла региональные рамки и стала глобальной. Первые две *великие смуты* закончились сметением всех вестернизированных декораций, изгнанием интервентов и уверенным продвижением российской цивилизации по своему имперскому пути. Родившаяся в результате Второй смуты Советская империя, ещё более великая и могучая, чем предыдущая, сломала хребет нацистскому зверю, вывела человечество в космос, звала его к звездам и много чего ещё [54], однако успех измены на самом высоком уровне стал возможен потому, что позднесоветские элиты отошли от императивов Русской идеи, решили «стать как Запад». И вот почти 40 лет мы находились в состоянии цивилизационной капитуляции.

Хотим знать, что будет? Припомним, что уже было. История учит, что Россию «отменить» не получится, что «Четвёртого Рима» не будет.

И возвращаясь к СССР. Советский Союз, если говорить об *Идее* (не о «географии», не о «названии», а о *смысле*), – это не столько прошлое, сколько будущее. Надо уже называть вещи своими именами. Постсоветское пространство, так или иначе, нуждается в интеграции. Возвращение Империи – это возвращение смысла. И если там не будет нашей империи, будет какая-то другая.

Анфертьев И. А.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА В УЧРЕЖДЕНИИ СССР: ПО ДОКУМЕНТАМ РУКОВОДЯЩИХ ОРГАНОВ РКП(Б) 1918–1922 ГГ.

Образованию СССР в конце декабря 1922 г. способствовали как минимум 2 фактора: завершение в основном «горячей» фазы Гражданской войны; включение накануне этого важнейшего события в состав РСФСР значительных дальневосточных территорий бывшей Российской империи (ДВР). В результате в декабре 1922 г., если сравнить границы прежнего и нового государств, бывшего (имперского) и нового (советского, РСФСР), приобрели отчётливую внешнюю схожесть, но вместе с тем обозначились и территориальные потери: Царство Польское, Великое княжество Финляндское, губернии Бессарабская, Виленская, Гродненская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Подольская, Эстляндская. Данным событиям посвящена значительная советская, постсоветская и современная историография [1; 27; 29; 30], сборники документов [10; 14; 19; 46; 49] и мемуарная литература [5; 22].

Документы, связанные с позицией В. И. Ленина и других деятелей РКП(б) по национальному вопросу, целесообразно делить на дооктябрьский и послеоктябрьский с 1917 г. периоды. Первый представлен позицией В. И. Ленина. Он считал, что необходимо привлечь к сотрудничеству с большевистской группой в РСДРП национальные социал-демократические организации – Бунд, социал-демократов Польши, Латвии, Финляндии¹. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) В. И. Ленин отмечал, что «национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России,

¹ Ленин В. И. VI (Правая) всероссийская конференция РСДРП. 5–17 (18–30) января 1912 г. // Полн. собр. соч. Т. 21. М.: Политиздат, 1968. С. 134–135, 154–155.

это очевидно»¹. В многонациональном государстве, по его мнению, не должно быть одного государственного языка, каждая национальность имеет полное и неотъемлемое право на свой язык и на государственное отделение²; недопущение «национальных привилегий и... национального неравноправия»³. Вместе с тем, по мнению В. И. Ленина, его сторонники, марксисты, «не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации», а централизованное крупное государство, имея в виду, по всей вероятности, Российскую империю, есть «громадный исторический шаг вперёд от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира»⁴.

В работе «О праве наций на самоопределение» (1914) В. И. Ленин рассматривал национальный вопрос на фоне развития революционного движения в европейских странах. Он считал, что ускорение капиталистических отношений способствует интернационализации пролетариата, спланирует угнетаемых представителей различных национальностей в борьбе против угнетателей в мировом масштабе⁵. Особенностью России является единство борьбы «пролетариата угнетённых наций и пролетариата угнетающей нации»⁶. Пролетариату России, по мнению В. И. Ленина, предстоит бороться «со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т. е. права наций на самоопределение, на отделение; а наряду с этим, и именно в интересах успеш-

ной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности»⁷.

На III Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (10–18 (23–31) января 1918 г.) И. В. Сталин выступил с докладом о федеральном устройстве республики и о национальной политике советской власти [10, с. 224]. Как известно, 1 марта 1918 г. между РСФСР и Финляндской социалистической рабочей республикой, которая на тот момент не существовала, был заключён договор, в соответствии с п. 15 которого часть территории бывшей Российской империи отчуждалась в полную собственность Финляндии, если на то будет согласие свободно опрошенного местного населения [10, с. 233]. В этом конкретном случае местное население выразило своё несогласие вместе с землей, на которой оно проживало, перейти в финское подданство, к тому же и в самой Финляндии к 10 апреля 1918 г. установить, как планировалось большевиками, советскую социалистическую республику не удалось. Однако переданная в начале 1918 г. территория так и осталась за финнами, что и было подтверждено договором 1920 г. между РСФСР и Финляндией [10, с. 236]. Как в ситуации с заключением в марте 1918 г. Брест-Литовского мирного договора, в соответствии с которым советская Россия утратила значительную часть собственной территории. Часть утраченных территорий впоследствии пришлось возвращать в ходе Гражданской войны. Эти обстоятельства отразились в советской историографии, когда национальные и территориальные проблемы исследовались по отдельности, данный историографический подход продолжает суще-

¹ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. М.: Политиздат, 1973. С. 115.

² Там же. С. 118, 128, 130.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1973.

⁶ Там же. С. 317

⁷ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1973. С. 319.

ствовать и в современной российской историографической традиции.

В ряде современных публикаций выявлены факторы, в результате которых, по мнению Л. Р. Амировой и Н. С. Мысляевой, существовали объективные предпосылки для формирования советской союзной государственности [4]. В частности, к ним отнесены продолжавшаяся к 1922 г. в ряде регионов гражданская война, внешняя военная угроза, существование на территории РСФСР ряда национальных автономий, претендовавших на получение государственности. Так, в 1918–1922 гг. на территории советской России сложилась двухуровневая система национально-автономных образований. В первую группу входили автономные республики: Туркестанская, Башкирская, Татарская, Карельская, Бурятская и др.; вторую группу составили автономные области: Чувашская, Коми-Зырянская, Вотская и др. Помимо этого, существовал договор между РСФСР и советской Украиной от 28 декабря 1920 г., по которому формально последняя могла в перспективе претендовать на самостоятельный государственный статус [4, с. 464].

Обстоятельная картина сложных и во многом противоречивых политических событий, развернувшихся в Украине в 1918–1922 гг., подробно описана в исследовании В. В. Калашникова [23]. Создание независимой советской Украины автор датирует мартом 1919 г., когда III Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украинскую советскую социалистическую республику (УССР), правительство которой из опасения возможной агрессии со стороны Польши выступило за союз с РСФСР. Самостоятельному государственному статусу УССР в немалой степени способствовали деятельность созданной в июле 1918 г. Компартии (большевиков) Украины, формально, но не фактически, о чём свидетельствуют архивные докумен-

ты¹ независимой от РКП(б) и украинской Красной армии [23, с. 109].

12 мая 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) поддержали инициативу военно-политического и хозяйственного объединения советских республик: РСФСР, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма². Вместе с тем имелись и другие варианты: в частности, летом 1919 г. из-за наступления войск А. И. Деникина на Москву по инициативе зампреда РВСР Э. М. Склянского вооружённые силы указанных республик были включены в состав Красной армии³. 28 декабря 1920 г. правительства РСФСР и УССР заключили Союзный рабоче-крестьянский договор на паритетных, по сути федеративных, началах об объединении 7 ведущих наркоматов обеих республик [23, с. 119–120]. Следует, однако, отметить, что в деятельности некоторых украинских политических деятелей уже тогда просматривалось стремление в перспективе добиться конфедеративных отношений с РСФСР. Развернувшейся в 1917–1920-е гг. внутрипартийной борьбе вокруг выбора модели национально-государственного строительства в СССР посвящено исследование В. В. Касьянова, А. В. Баранова, Ю. А. Яхутль [25]. А. А. Кульшанова [28] анализирует концептуальные подходы представителей национал-коммунизма к национальному развитию восточных регионов. Позиция сторонников этого течения отличалась от взглядов большевиков. Они считали, что при реализации национальной политики на Востоке необходимо учитывать местные особенности культуры, быта, традиции народов. Ислам, по их мнению, был консолидирующим фактором, который нельзя игнорировать. Яркие, неординарные высказывания представителей национальной

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 3. л. 2; д. 7. л. 1, 3; д. 9. л. 1, 4; д. 11. л. 1, 5; д. 19. л. 1; д. 20. л. 1, 3; д. 26. л. 2; д. 42. л. 1, 3, 5

² Там же. Д. 7. Л. 1, 3

³ Там же. Д. 11. Л. 1, 5

элиты, во многом не совпадавшие с официальной идеологией, не были поддержаны властью, что впоследствии вылилось в репрессии против деятелей национал-коммунизма [28].

По мнению В. В. Касьянова, А. В. Баранова, Ю. А. Яхутль особенно острое противостояние в 1920–1921 гг. наблюдалось между Л. Д. Троцким, и И. В. Сталиным, но в условиях бесспорных лидерских позиций В. И. Ленина [25, с. 13–20]. Авторами отмечается, что по многим вопросам, в т. ч. и будущего национального устройства советской России, В. И. Ленин опирался на поддержку И. В. Сталина, в то время как последователями Л. Д. Троцкого, сторонника перманентной мировой революции в ЦК РКП(б), являлись такие влиятельные партийные деятели как Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский, Л. П. Серебряков, Н. И. Бухарин. В 1920 г. на ноябрьском пленуме ЦК, а затем и в марте 1921 г. на X партсъезде Л. Д. Троцкий и его сторонники в этом отношении потерпели поражение. На апрельском пленуме ЦК победили сторонники В. И. Ленина и И. В. Сталина. В августе 1922 г. на XII партийной конференции была принята резолюция «Об антисоветских партиях и течениях» [25, с. 16–17], которая дала старт широкой кампании борьбы с инакомыслящими, закрепила правящее положение РКП(б) в советской России, обеспечила, по мнению авторов, образование СССР и строительство социализма в отдельно взятой стране.

Таким образом, проблемам подготовительного периода учреждения СССР, изучению документов руководящих органов РКП(б) 1918–1922 гг., в настоящее время уделяется значительное внимание. Вместе с тем нельзя не отметить, что сохраняется ослабленный интерес современных исследователей к трудам В. И. Ленина, И. В. Сталина, несмотря на их доступность, в первую очередь, к тем из них, в которых рассматриваются национальные и территориальные проблемы.

Шалаева Н. В., Учаев А. Н.

СОВЕТСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС: ФОРМИРОВАНИЕ КАНОНА ОБРАЗА ВОЖДЯ

Победа большевиков в революционных процессах 1917 г. и создание пролетарского государства требовало от новой власти её легитимации (поддержки и согласия в обществе). Советской власти приходилось доказывать своё превосходство и право на управление социальными процессами, энергией и активностью масс, вызванными революцией. Это потребовало не только действий, направленных на мобилизацию общества, но и поддержки широких слоёв населения, которая должна была стать основой и опорой власти большевиков. В условиях революции и нарастающей гражданской войны, непопулярной политики «военного коммунизма» это была сверхзадача, что потребовало обращения не только к пропаганде и агитации, к революционной риторике, но и к визуализации этих идей посредством культурных практик [60]. Одним из направлений легитимации власти стало формирование на психоэмоциональном уровне в сознании общества позитивного образа власти и её акторов.

Традиционно дискурс рассматривается как сложная система понятий, знаков, высказываний [48; 57]. Поиск механизмов легитимации власти правительством способствовал развитию советского социокультурного и идейно-тематического (идеологического) дискурса, который «должен был послужить орудием разрушения мира капитализма и построения коммунистического общества» [56, с. 87]. Утверждение истинности идеологических постулат и мифологем советской власти опиралось не только на слово, но и на образы. В связи с этим можно говорить, что советский дискурс развивался как на вербальном, так и визуальном уровнях, способствуя становлению образов акторов власти.

С 1917 г. социокультурный дискурс был связан с утверждением идеологием, направленных на легитимацию власти, формированием её позитивного образа. На вербальном уровне происходит замена манифестов декретами, постановлениями, развитием советских СМИ и литературы. В условиях тотальной неграмотности населения особое значение имела визуализация слова, идеи. Выступления на митингах, площадях, народный массовый театр Пролеткульта, где доминировало устное слово, стали проводниками советского дискурса.

Социокультурный (вербально-визуальный) дискурс, которому в современной отечественной историографии уделяется большое внимание [2; 15; 16; 55], достигался средствами художественного выражения пластических видов искусства – скульптурой, монументальным искусством, живописью, графикой, фотоискусством, а также плакатами, марками, значками.

При формировании репрезентативного образа власти, её акторов (вождей) социокультурный дискурс способствовал выработке канонов как совокупности норм и правил воспроизведения. Утверждение в советском искусстве канона образа власти способствовало его стереотипизации и унификации в одежде, жестах, позах, деталях, представлению в обобщённой форме (революция, рабочий, солдат, крестьянин).

В историографии в большей степени уделяют внимание исследованиям визуального канона вождя в 1930-е гг. в рамках концепции культа личности [47; 48; 52] в контексте анализа либо тоталитарного [12; 13], либо советского массового искусства [9]. В 1930-е гг., когда окончательно сформировались государственные творческие объединения и был выработан соцреализм как метод художественного творчества и выражения, сформировался и канон, применяемый для изображения того или иного образа, в т. ч. и образа вождя. В отличие от этого десятилетия,

1920-е гг. – время становления канона в изображении вождя, время многообразия художественных методов и приёмов его изображения вербально и визуально.

В связи с этим нас интересует процесс формирования канона образа власти в его персонифицированном виде – изображение В. И. Ленина как вождя и символа революции.

В ходе исследования был применён структурно-семиотический подход, методы культурной антропологии и метод иконографического анализа. Репрезентация источников представлена художественным текстом (произведения советских писателей и пролетарских поэтов), а также монументальным, плакатным и станковым искусством.

Образ власти – конечная цель и результат её деятельности, это форма объяснения, воспроизведения и отражения представлений о власти в массовом и индивидуальном сознании общества на эмоциональном уровне [59, с. 77]. Эта модель (схема) включает в себя как репрезентацию власти, так и ожидания со стороны общества. В русском национальном сознании образ вождя связан с архетипом власти – заступник и покровитель – и поддерживается на эмоциональном уровне культурными механизмами воздействия на общество. Формируемый канонический образ вождя – художественный идеал как воплощение эпохи.

Механизм формирования репрезентативного канона вождя был выработан ещё в ранней советской праздничной культуре: создавались специальные комиссии по подготовке дня памяти или какой-то даты, объявлялись конкурсы, организовывались мероприятия, издавался методический материал и т. д. После смерти В. И. Ленина к дням памяти возводились памятники, ставились спектакли, снимались кинокартины, выпускались книги или художественные альбомы.

В первые годы существования советской власти отсутствовал образ единого

вождя. В вербальном и визуальном дискурсе говорилось о вождях революции: В. И. Ленине, Я. М. Свердлове, Л. Д. Троцком, А. В. Луначарском и др. Так, например, в середине 1920-х гг. объединение «Пролеткино» выпустило фильм «Галерея вождей русской революции»¹. К середине 1920-х гг. образ вождя был сконцентрирован в имени В. И. Ленина. Процесс персонификации образа власти начался задолго до смерти В. И. Ленина и связан был с покушением 30 августа 1918 г., хотя в газетах ещё говорится о вождях, одним из которых был В. И. Ленин². Уже в первую годовщину Октября были выпущены жетоны с изображением В. И. Ленина, который был сделан в январе 1918 г. с фотографии художника М. С. Наппельбаума [45, с. 116–122]. Вторым шагом стал 50-летний юбилей В. И. Ленина, когда в 1920 г. на IX съезде ВКП(б) ему устроили бурные овации после поздравления и организовали в его честь торжественный концерт.

В 1924 г. начинается процесс выстраивания канонического образа вождя. Сразу же после смерти Ленина 27 января 1924 г. в газете «Правда» вышла статья, в которой утверждалось, что Владимир Ильич имел 2 лица: «одно – обращённое к грядущим десятилетиям...; второе – это Ильич». Эта статья определила 2 канонических образа В. И. Ленина – вождь и человек.

На вербальном уровне канон вождя формировался в литературном нарративе, представленном публицистикой и художественной литературой. В 1919 г. была издана книга американского журналиста Дж. Рида «10 дней, которые потрясли мир», затем появляется «Россия во мгле» Г. Уэлса. После смерти В. И. Ленина была написана и опубликована знаменитая поэма В. В. Маяковского «В. И. Ленин», где поэт называет его «пророком» и «гением», человеком, в жизни которого отра-

жена эпоха. Поэма стала квинтэссенцией официального канона вождя как актора власти: «Партия и Ленин – близнецы-братья – кто более матери-истории ценен? Мы говорим Ленин – подразумеваем партия. Мы говорим партия, подразумеваем – Ленин»³. В дальнейшем наиболее широко образ вождя был представлен в детско-юношеской литературе.

Наравне с произведениями профессиональных писателей и поэтов, появляются литературные сочинения рабочих и крестьян, в которых В. И. Ленин представлен в сказочно-мифологизированном образе то былинного богатыря, то кормчего, то рабочего, то мудрого странника. Сказки, былины, притчи, песни – жанры, в которых воплотилось народное представление о Ленине как провидце, кормчем, вожде, мудреце и защитнике простого и угнетённого народа. Особое место в вербальном дискурсе занимает публицистика, представленная письмами селькоров в газеты «Беднота» и «Крестьянская газета»

Наиболее ярко канонический образ был представлен в визуальном дискурсе. Так, например, после 1918 г. фотографии В. И. Ленина стали публиковать на страницах печати. Во многом этому способствовала активность самого В. И. Ленина, который в дни новых пролетарских праздников мог до 6–8 раз выступать на различных митингах, посвящённых открытию монументальных памятников, на рабочих собраниях. Многие из этих выступлений документировались и фиксировались на фото. Во время этих выступлений его часто снимал фотограф и кинематографист-документалист В. Г. Гибер, оставивший свои воспоминания о В. И. Ленине⁴. Участие В. И. Ленина в субботниках января 1919 г. и 1 мая 1920 г., зафиксированное В. Г. Гибером в снимке, было в дальнейшем растиражировано и

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8326. Оп. 1. Д. 3. С. 23.

² Беднота. 1918. 31 августа. 4 сентября. Л. 1.

³ Маяковский В. В. В. И. Ленин // Маяковский В. В. Собр. соч. Т. 3. М.: Правда, 1978. С. 258–329.

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 4. Оп. 2. Д. 415.

перенесено в станковую живопись, породив миф о богатырском здоровье и силе вождя.

В пластических видах искусства мы фактически видим визуализацию литературных образов В. И. Ленина. Так, например, в скульптуре «Ленин – кормчий» или одноимённом рисунке неизвестных авторов был воплощён образ, описанный Е. А. Есениным в стихотворении «Письмо женщине». В политических плакатах времён гражданской войны мы встречаем изображение В. И. Ленина в образе горьковского Данко (Д. Моор. Плакат «В. И. Ленин», 1919 г.). Но уже после 1924 г. уходит многообразие изображения В. И. Ленина и формируется основная группа образов – вождь (разновидности – революционер, мыслитель, провидец, организатор) и человек (друг и внимательный собеседник).

Канонический образ требовал чёткой проработки репрезентации В. И. Ленина. Официальный образ – вождь, представленный в монументальной скульптуре, плакатах, на марках, требовал строгости, демонстрации устремлённости в будущее, определённой напряжённости. Здесь В. И. Ленин изображался в полный рост (на плакатах его фигура возвышалась над остальными), с простирающей рукой, сжатым кулаке или рукой, сжимающей кепку, в пальто или пиджаке. Образ человека представлен был, скорее, через позу, наклон головы или внимательный взгляд. Кинематограф, театр, литература, особенно детская, сочетали оба канонических образа, сохранявшиеся на протяжении всего советского периода. Образ Ленина стал символом эпохи и был представлен в неофициальном творчестве (детские рисунки) и подарочных промышленных товарах (ковры, посуда, хрусталь). И сегодня, несмотря на то, что советская эпоха ушла, канонический образ В. И. Ленина сохраняется в скульптуре, архитектурном декоре зданий, в мемориальных комплексах, что позволяет сохранять связь эпох и поколений.

Керимова-Коджаева Т.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ УЧЁНЫХ АЗЕРБАЙДЖАНА В 1920–1930-Е ГГ.

Вторая половина 20-х гг. XX в., несмотря на последствия Первой мировой войны, стала благоприятной для развития межгосударственных научных связей, Международные контакты молодой советской науки в условиях политической изоляции и конфронтации развивались сложно и неоднозначно. В то же время большевики понимали, что многие научно-технические проблемы (освоение богатств океана, охрана природы, борьба с серьёзными заболеваниями) не могут решаться силами отдельных учёных или научных коллективов. Руководство СССР осознавало, что решение важных научно-технических вопросов требовало изучения передового зарубежного опыта.

В начале 1921 г. Совнарком СССР принял решение о выделении «особого золотого фонда» для поездок советских учёных за границу и распространение за рубежом 2 500 опубликованных научных работ [30, с. 98–99]. Практически все международные контакты учёных находились под контролем ЦК ВКП(б). Советские партийные и государственные органы широко использовали научные контакты и в политических целях для продвижения позитивного образа СССР. Основными формами международных научных контактов страны советов в 1920–1930-е гг. были зарубежные научные командировки, участие в конгрессах и международных объединениях и ассоциациях, научных форумах, выставках, обмене научной литературой, личных контактах.

Расширению международных научных связей способствовало широкое празднование юбилея Академии Наук СССР в 1925 г. На празднование были приглашены десятки выдающихся учёных из 25 государств Европы, Азии и Америки. Юбилей положил начало широкой международной научной комму-

никации [21, с. 127]. С 1925 г. началась традиция проведения международных научных съездов на территории СССР.

Баку в 1920-е гг. был крупным центром науки и культуры, где работали тюркоязычные учёные и специалисты из всех республик и областей СССР. Этот факт сделал Баку центром мировой тюркологии, где состоялся I Всесоюзный тюркологический съезд. Хотя съезд имел статус всесоюзного, по числу делегатов он был международным. В его работе приняли участие крупнейшие учёные стран Востока и Западной Европы – Турции (М. Ф. Кепрюлюзаде, А. Гусейнзаде, С. Руфет и др.), Германии (Т. Менцель, М. Гартман, В. Радебольд и др.), Венгрии (Ю. Мейсарош, И. Конуш, Ю. Немец), Ирана (М. Солтанэ, И. Шабистари), Франции (Ж. Дени)¹.

Тюркологический съезд вызвал большой научный и общественный интерес. Немецкий журнал «*Der Islam*» опубликовал большой материал, отмечая, что съезд является «невиданным событием в мировой истории». Во Франции статью Ж. Кастанье о тюркологическом съезде в Баку поместил авторитетный журнал «*Revue du Monde Musulman*», в которой автор отмечал, что здесь собрались звезды «первой величины». Принятые в Баку решения имели огромное значение для советских тюрко-татар. «Баку стал центром исламского ренессанса» на просторах СССР [21, с. 116]. После тюркологического съезда в Турции по личной инициативе основателя Турецкой Республики Мустафы Кемаля Ататюрка для проведения реформы в области языка была создана специальная научно-лингвистическая «Комиссия по алфавиту». Комиссия на своих заседаниях 8 и 12 июля приняла проект алфавита на латинской основе, который вступил в силу 1 января 1929 г.²

В целях обмена научного опыта, изучения достижений мировой науки и техники в Азербайджан приглашались иностранные учёные и специалисты. Так, учёные, приехавшие в Москву на празднование 200-летия Академии наук СССР, были приглашены и в другие города СССР, в т. ч. и Баку. Это были крупные востоковеды: ректор Константинопольского университета М. Ф. Кепрюлюзаде, профессор Бомбейского университета Дж. Модии, директор Физического института в Калькутте, профессор Ч. В. Раман, профессор, тюрколог Т. Менцель и П. Витек (Германия) и др. [21, с. 126–127]. Профессор Дж. Модии выступил с докладами в историко-этнографической секции Общества 27 августа 1925 г. Во время пребывания в Баку он осмотрел храмы и достопримечательности Баку, Дербента, Абшерона [7, р. 37–38].

Баку привлекало и учёных-археологов. На территории республики проводились масштабные археологические исследования. Так на заседании историко-этнографической секции Общества выступали с результатами исследований учёные из Англии (У. Ф. Питри), Германии (К. Леман-Хауп), Финляндии (А. М. Тальгрэн) и др.³ Работы видного азербайджанского археолога А. Алекперова в области крашеной керамики глубоко заинтересовали зарубежных учёных, в частности, автора первой в мире грамматики хеттского языка Б. Грозного. Он по инициативе А. Алекперова приехал в Баку. 30 ноября 1936 г. в Институте истории АзФАН он прочитал лекцию сотрудникам института и студентам исторического факультета АГУ, посвященную достижениям хеттологической науки⁴.

В республику приезжали представители зарубежных организаций, писатели, известные учёные, педагоги. Так, в октябре 1927 г. Баку посетил французский

¹ Накануне Тюркологического съезда. Приезд делегатов // Бакинский рабочий. 1926. 25 февраля. С. 3.

² Королькова М. Латинский алфавит в Турции // Новый Восток. 1926. № 13-14. С. 457.

³ Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР). Ф. 387. Оп 1, Д.45, Л. 39

⁴ Научный Архив Института Истории НАНА им. А.А.Бакиханова, инвентарь № 468-469. Л. 1-2.

писатель А. Барбюс, выступивший 25 октября в Доме работников просвещения перед бакинской интеллигенцией. Действительный член Восточной Академии наук Турции, профессор Константинопольского университета М. Ф. Кепрюлюзаде, находясь в Баку, в 1925 г. читал в АГУ курс древней турецкой литературы, участвовал в работе I Всесоюзного Тюркологического съезда, где выступил с докладом «Развитие литературного языка у тюркских народов». В 1926 г. им была опубликована работа «К исследованиям азербайджанской литературы» [6, с. 126–127].

Большим вкладом в развитие международных научных связей Азербайджана стали поездки азербайджанских учёных за рубеж, где они выступали с докладами, читали лекции, знакомились с достижениями иностранных специалистов и изучали опыт организации научных исследований. В 1926–1928 гг. группа азербайджанских молодых учёных-медиков (М. Мир-Касимов, М. Топчибашев, М. Гаджикасумов, И. Ахундов и др.) с целью повышения квалификации была отправлена в научную командировку в клиники городов Германии – Берлин, Лейпциг, Мюнхен.

Учёные республики избирались членами зарубежных научных обществ. Так, например, профессор Я. Варшавский стал членом Германского офтальмологического общества, участвовал в съезде в августе 1925 г. в г. Гейдельберге¹. Известный языковед, тюрколог, литературовед, выпускник Будапештского университета, профессор Б. Чобанзаде в 1935 г. был избран членом Парижского лингвистического общества [3, с. 126].

Ведущей организацией по развитию международных связей стало Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), устав которого был утверждён ЦИК и СНК СССР 8 августа 1925 г. ВОКС сотрудничал с зарубежны-

ми обществами дружбы и культурных связей с СССР, созданных по инициативе прогрессивных общественных деятелей науки и культуры многих странах мира². Филиалы этого общества были открыты в некоторых республиках страны, в т. ч. и в Азербайджане. В феврале 1928 г. постановлением Закавказского ЦИК был организован Закавказский филиал Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) с отделениями в каждой из 3 республик. В декабре 1931 г. в системе Наркомпроса был создан Азербайджанский филиал ЗОКСа³.

В сфере международного книгообмена большую роль играла переписка с зарубежными научными учреждениями о пополнении иностранными изданиями библиотеки Общества обследования и изучения Азербайджана. Труды, изданные Обществом по археологии, истории, языкознанию, экономике и природе республики, вызывали большой интерес не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Общество обменивалось изданиями с научными организациями, обществами и научными центрами Европы и Америки: Королевским азиатским обществом (Лондон), Римской археологической ассоциацией (Италия), Нью-Йоркской публичной библиотекой (США), Германским Восточным Обществом и другими научными сообществами⁴. Так, в письме от 28 ноября 1929 г. к Обществу советник полномочного представительства Франции в СССР писал, что «полученные нами труды вашего научного общества и журнал «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана» пересланы нами через французский комитет научной связи с СССР председателю французского общества по изучению Азии проф. Сильвен Леви... Помимо... во Франции ещё один центр по изучению Востока, а именно Национальная Школа Живых Восточных Языков. Оба эти на-

¹ ГА АР, Ф. 1640, оп. 1, д. 27, л. 88.

² ГА АР, Ф. 389, оп. 1, д. 47, л. 132; 20, с. 11, 12, 13, 18

³ Там же, д. 47, л. 1–4.

⁴ Там же, д. 45, л. 11, 12, 18.

учные центры охотно установят с Вашим обществом связи для взаимного обмена информацией и материалами»¹.

Научные достижения АзГНИИ распространялись далеко за пределы республики. Библиотека АзГНИИ за короткое время наладила международный книгообмен с США, Португалией, Финляндией, Англией, Турцией, Данией, Швецией, Францией и другими странами [44, с. 218–219]. Через ЗОКС поступали азербайджанские периодические издания: «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», «Известия Азербайджанского государственного университета» и др. В декабре 1931 г. в честь 10-летия ЗСФСР АзГНИИ выпустил журналы, посвящённые жизни республики на английском, немецком и французском языках².

Азербайджанским комитетом охраны памятников искусства и старины (Азкомстарис) был установлен обмен его «Известиями» с гамбургскими, нюрнбергскими и лейпцигскими музеями народоведения. В ноябре Американская ассоциация музеев в Вашингтоне обратилась в ВОКС с предложением установить связи с музеями республик СССР. В ответ на это Азгосмузей, Азсельхозмузей и Музей революции послали информационные материалы в музей США³.

К 1935 г. благодаря научному обмену была установлена связь со 150 научными учреждениями и академиями, университетами, библиотеками зарубежных стран. Были получены около 1000 иностранных экземпляров научных изданий, первые издания Академии наук Ирана, ценные научные труды по фольклору, изданные турецким министерством просвещения. Вашингтонская государственная библиотека собирала все труды по истории Азербайджана. В 1937 г. число таких за-

рубежных научных учреждений увеличилось до 400⁴.

В связи с программой индустриализации страны технические и прикладные науки, проектно-конструкторские работы были направлены в первую очередь на освоение зарубежного оборудования и его совершенствования. В 1920–1930-е гг. научно-технических взаимоотношений между СССР и США в области нефтяной промышленности большую роль играл Баку – в то время основной топливный источник страны. Несмотря на достижения бакинских учёных и инженеров, нефтяная промышленность на первых порах ещё не располагала многими видами оборудования отечественного производства и вынуждена была пользоваться машинами и оборудованием западных образцов. Чтобы изучить передовой опыт американской нефтяной техники многие азербайджанские учёные и инженеры, хозяйственные руководители направлялись в США, где знакомились с их опытом, проходили стажировку [26, с. 1; 52, с. 6]. По возвращении на родину они применяли полученные знания и опыт в практической работе на предприятиях и в лабораториях.

В эти годы при Азнефти для изучения достижений мировой науки и техники и зарубежного передового опыта был создан специальный «Комитет иностранного опыта». В 1928 г. в Баку были приглашены 10 зарубежных специалистов и учёных, столько же азербайджанских учёных, работавших в различных научных учреждениях республики, были отправлены в Америку для изучения нефтеперегонного дела⁵.

Бурное развитие нефтяной промышленности, открытие крупных нефтепромышленных предприятий создали предпосылки для тщательного исследования недр Азербайджана. Особенно большой

¹ Там же, д. 45, л. 13.

² Там же, д. 47, л. л. 1-4; 19, л. 1

³ ГА АР, Ф.387, оп.341, д. 315, л. 1.

⁴ Книги из Англии, Португалии, Польши // Бакинский рабочий. 1936. 21 апреля. С. 4.

⁵ Американские геологи в Азербайджане // Бакинский рабочий. 1926. 26 октября. С. 5.

вклад в развитие нефтяной науки и техники внесли польские специалисты, учёные, инженеры: П. Потоцкий, К. Калитский, С. Чарноцкий, К. Богданович, Л. Сырочинский, И. Ситковский и др. [58, s. 198–205].

Культурное сближение СССР с зарубежными странами получило мощный стимул к развитию в 1934 г. во время юбилея великого персидского поэта Фирдоуси. Отношения ещё более расширились и окрепли в результате работы проходившего в сентябре 1935 г. в Ленинграде и в Москве III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, на который съехались учёные из 25 стран. Азербайджанская делегация была утверждена в следующем составе: М. Саламов (председатель делегации, директор Азгосмузея), А. Алекперов, Е. Пахомов (Азгосмузей), Р. Мустафаев (Союз художников)¹.

К середине 1930-х гг. международные контакты были во многом свёрнуты. Ситуация с заграничными поездками советских учёных радикально изменилась, и здесь уже не дефицит финансов, а политический контроль стал решающим фактором. Необходимые и естественные элементы научного взаимодействия – командировка за границу, переписка и встречи с иностранными коллегами начала 1930-х гг. стали восприниматься в СССР как основания для обвинений в шпионаже, антисоветской деятельности или вредительской работе. В свою очередь, советская общественность из опасения быть заподозренной в связях с границей прекратила своё участие в работе секций ВОКСа, в итоге оно практически прекратило своё существование [24, s. 169].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. азербайджанская наука, используя различные формы сотрудничества, сумела установить первые международные контакты, начать обмен информацией с учёными

других стран, познакомить зарубежную научно-техническую общественность с некоторыми из своих достижений, получить определённую информацию о работе зарубежных коллег.

Пенькова О. Б., Филатов Ю. И.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА (1960–1980-Е ГГ.)

Семья всегда выступала первичной структурой общества, одной из важнейших сфер человеческой жизнедеятельности. Семейно-бытовая обрядность в образно-символичной форме сопровождает важнейшие этапы жизни каждого человека – триаду жизненного цикла: рождение, создание семьи и смерть. Обобщённая трактовка семейных обрядов принадлежит французскому этнографу А. ван Геннепу, доказавшему сущность их генезиса как формы перехода из одного физического или социального состояния в иное – «обряды перехода» [11]. Изучению семейной обрядности населения УССР посвящены работы К. Л. Емельяновой и М. С. Бескороваиной [17], Н. И. Здоровеги [18], В. К. Борисенко [8], Н. С. Романовой [50].

На примере свадебной обрядности рассмотрим структуру, соотношение и трансформацию 3 основных уровней семейно-бытовой обрядности населения Донбасса в 1960–1980-е гг.: народного (традиционного или дохристианского), религиозного (христианского) и официального (государственного, светского).

С первых лет советской власти праздники и обрядность рассматривались как инструмент идеологического воздействия, средство антирелигиозной пропаганды. К концу 1950-х гг. в СССР сложилась система советских государственных и профессиональных праздников с установившейся обрядностью. В отличие от них регистрация актов гражданского состояния проходила без торжественных церемоний. В сельской местности ещё со-

¹ Архив Центра научного наследия Президиума НАНА, Ф.3, оп. 1, д. 2, л. 101.

хранились традиционные формы семейной обрядности, в городах важнейшие события (вступление в брак, рождение детей) отмечались домашней вечеринкой. Это свидетельствовало об отсутствии семейной обрядности в конце 1950-х гг.

На рубеже 1950–1960-х гг. в обществе развернулась дискуссия о целесообразности гражданских семейно-бытовых социалистических обрядов, что нашло отражение в постановлении ЦК КПУ 1963 г. «О мероприятиях по внедрению гражданских обрядов»¹. Ставилась задача создания светского брачного обряда, который должен стать альтернативой религиозному, быть торжественным и привлекательным. На основе постановления были разработаны методические рекомендации и сценарии обрядов, которые были направлены местным органам советской власти, профсоюзам, комсомольским организациям. Поиски новых форм обряда шли наработанными приёмами и методами. Так, в Харцызском районе Донецкой области в 1960 г. был проведён конкурс на лучший ритуал комсомольской свадьбы. В Макеевке в начале каждого месяца во Дворце культуры металлургического завода имени Кирова проводилось торжественное собрание-постановка, на котором по собственному сценарию регистрировали вступающих в брак. В отличие от многих других «инициатив сверху», обрядотворчество нашло понимание и отклик «снизу». Интерес к проблеме был настолько велик, что, в г. Краматорске Донецкой области, диспут «О новых советских обычаях и обрядах», организованный горкомом комсомола продолжался два вечера².

В СССР был разработан управленческий механизм реализации партийно-государственной политики в области гражданских обрядов, что привело к созданию отдельной структуры. В 1964 г.

при министерстве культуры УССР была создана «Республиканская комиссия по внедрению новых художественных ритуалов проведения советских обрядов и народных праздников», которая с 1969 по 1978 г. действовала при Президиуме Верховного Совета УССР.

В 1978 г. «Комиссия по советским традициям, праздникам и обрядам» была подчинена Совету Министров УССР. Курировал её деятельность отдел идеологии ЦК КПУ. Все решения Комиссии направлялись в ЦК ЛКСМУ и Украинский республиканский совет профсоюзов. После согласования решения были обязательны к исполнению. На местах обрядовые комиссии создавались при исполкомах местных советов.

Важным направлением деятельности Комиссии стала разработка гражданских ритуалов, которые сопровождали бы важнейшие события в жизни советского человека. В итоге был создан детальный сценарий обряда, призванного сопровождать официальную регистрацию брака, который был утверждён Республиканской комиссией в 1974 г.

В сценарии удалось на эмоционально-психологическом уровне соединить идеологическую основу и народные традиции – использование свадебных рушников, караваев, участие в церемонии свидетелей («дружки» молодых). Обмен обручальными кольцами, символическое чествование бокалом шампанского, зажиганием свечей скорее напоминало церковный ритуал. Проезд на автомобилях, украшенных свадебными кольцами, лентами и цветами после торжественной регистрации, было генетически связано с народной традицией – свадебный поезд. В сценарии акцент делался на государственной значимости гражданского обряда.

Необходимым условием внедрения и широкого распространения советской свадебной обрядности было создание материально-технической базы, инфраструктуры, обеспечение кадрового по-

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 31, д. 2166, л. 4.

² Там же, д. 1671, л. 54–56.

тенциала обрядовой службы. В 1985 г. в УССР работало более 43 тысяч штатных и внештатных работников. Был решён вопрос оплаты их труда. Комиссия работала программу подготовки распорядителя обряда и её помощницы, обязательных регулярных курсов повышения квалификации, были рекомендованы варианты одежды и причёсок.

Достижением Комиссии стало открытие Дворцов Торжественных событий (Дворцов Бракосочетания или Счастья). Республиканской Комиссией были разработаны рекомендации по проектированию и строительству Дворцов, требования к их архитектуре, к отделке интерьеров. В Донецкой области первым в 1961 г. был открыт Ждановский (Мариупольский) Дворец Бракосочетаний. За первые 3 года работы в нём зарегистрировали брак 13 тысяч пар молодожёнов¹. В Донецке Дворец бракосочетаний открылся в 1965 г.

Обрядовая инфраструктура включала специализированные комбинаты бытовых услуг – ателье по пошиву одежды, где можно было заказать свадебное платье и костюм из дефицитной ткани, фотоателье, магазины сувениров. В крупных универмагах создавались отделы готовой свадебной одежды, ткани и обуви для торжества. В начале 1970-х гг. открывались специализированные магазины, которые назывались «Счастье», салоны обрядовых услуг. Создавались специализированные службы, включавшие прокат свадебной одежды, оказание помощи с автотранспортом, фото- и киносъёмкой, с заказом кафе, ресторана или столовой, организацией музыкального сопровождения и т. д. В 1979 г. Пленум ЦК КПУ дал высокую оценку их работе и отметил, что нужно «ускорить создание во всех областных центрах и крупных городах фирм обрядовых услуг»².

Гражданский обряд Торжественной регистрации брака по популярности значительно превосходил церковный обряд венчания, о чём свидетельствуют статистические данные. Так, в 1961 г. в Донецке (до 9 ноября 1961 г. г. Сталино) венчалось 45 пар, а в 1962 г. – 15, соответственно в Краматорске 32 и 9 пар, в Макеевке – 25 и 11 пар. В Жданове (Мариуполь) в 1963 г. в Дворце бракосочетаний было зарегистрировано 1600 пар, а венчалось 3 пары³. Удельный вес венчаний в Донбассе в советский период был значительно меньше, чем по республике. В 1976 г. по УССР – 4,2 % венчаний от общей численности зарегистрированных браков, по Донецкой области – всего 0,2%, в Луганской – 0,24%. Одна из причин низких процентных показателей венчаний была в том, что религиозные церемонии предполагали определённую публичность, а от священников требовалась фиксация сведений о том, кто и когда совершил обряд. В эпоху атеизма участие в церковных обрядах было связано с определённым риском, что способствовало росту популярности гражданского обряда. В 1976 г. в торжественной обстановке оформили отношения 94% брачующихся жителей Донецкой области и 92% Ворошиловградской (Луганской)⁴.

Если религиозная и гражданская официальная церемонии заключения брака сводились к акту его легитимизации, то народная традиция представляла собой целостный комплекс, состоящий из предсвадебных, собственно свадебных и послесвадебных традиций, обычаев и обрядов. В исследуемый период изменились целостность, содержание и смысловая нагрузка каждого из них. Записи свадебной обрядности 1978–1990 гг. в городах и сёлах Донецкой и Луганской областей позволяют утверждать, что традиционная свадебная обрядность сохранялась значительно лучше в сельской местности, где славян-

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 32., д. 401, л. 37.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 148, д. 2628, л. 32.

³ Там же, д. 1110. л. 6.

⁴ Государственный архив ДНР Ф. 176. Оп. 1, д. 7, л. 82.

ское население (и украинцы слобожане, и русские, потомки однодворцев, и старообрядцы, и казачество) сохраняло все элементы структуры, хотя и в сокращённом виде. В городах народный свадебный комплекс сохранялся в упрощённом виде. Предсвадебные традиции – сватовство – сводились к знакомству родителей, часто без обрядовой составляющей. Кульминацией свадебного этапа становилась торжественная регистрация брака. Послесвадебный этап практически исчез.

Урбанизация, распространение городской культуры существенно повлияли на состояние традиционного свадебного комплекса, появились инновационные черты. Главным в свадебной обрядно-

сти населения Донбасса в 1960–1980-е гг. оставалась её традиционная социальная нагрузка, многократно усиленная государственной политикой.

Таким образом, в 1960–1980-е гг. празднично-обрядовая традиция в результате активной партийно-государственной политики была преобразована и вышла за рамки религиозного ритуала. Разработка и утверждение гражданской обрядовости способствовали развитию новой семейно-бытовой свадебной традиции при сохранении элементов народной культуры, активно поддержанной государством.

Дата поступления в редакцию 24.01.2025

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов С. Г., Кузнецова А. А., Филина Н. В. Создание СССР: причины образования и последствия // Молодой учёный. 2019. № 14. С. 130–131.
2. Александрова М. В. Советский дискурс в социокультурном пространстве исторического города (на примере г. Ярославля) // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 6. С. 236–243.
3. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Дело Бекира Чобанзаде // Восток. 1998. № 5. С. 125–133.
4. Амирова Л. Р., Мысляева Н. С. Образование СССР // E-SCIO. 2019. № 11. С. 462–467.
5. Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 3. М.; Л.: Высш. воен. ред. совет, 1932. 350 с.
6. Babayev A. Türksöyün birlik səsi. Bakı: Təhsil, 2006. 364 s.
7. Bombeyli professor Modi Azərbaycan haqqında // Bakı: Maarif və mədəniyyət. 1925. № 2. S. 37–38.
8. Борисенко В. К. Весільні звичаї та обряди на Україні. К.: Наукова думка, 1988. 192 с.
9. Бочкарева А. С., Хотина Ю. В. Формы агитационно-массового искусства в 20-е годы XX века в России [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 121. URL: <https://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/34.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).
10. Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 2017. 607 с.
11. Геннеп ван А. Обряды перехода: Системат. изучение обрядов / пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
12. Глебкин В. Ритуал в советской культуре. М.: Янус, 1998. 168 с.
13. Голомшток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994. 294 с.
14. Гражданская война на Украине 1918–1920. Т. 2: Борьба против деникинщины и петлюровщины на Украине. Май 1919 г. – февраль 1920 г. / под ред. С. М. Королевского. Киев: Наукова думка, 1967. 918 с.
15. Дашкова Т. Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920–30-х годов. М.: АИРО-XX, 2002. 103 с.
16. Дашибалова И. Н. Образ детства в советском визуальном дискурсе 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).
17. Емельянова К. Л., Бескорвайная М. С. Советские семейно-бытовые обряды. Л.: Знание, 1979. 120 с.
18. Здоровега Н. І. Нариси народної весільної обрядовості. К.: Наукова думка, 1974. 159 с.
19. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 3. Февраль 1920 – октябрь 1922 / под ред. Г. А. Белов и др. М.: Советская Россия, 1961. 891 с.
20. Империя Россия / под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. М.: Изд-во МГУ; Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. 512 с.

21. Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг. М.: Наука, 1975. 429 с.
22. Какурин Н. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 730 с.
23. Калашников В.В. Образование СССР. Опыт Украины // Альтернативы. 2023. № 3. С. 106–120.
24. Kərimova T. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası A. A. Bəkişanov adına Tarix İnstitutunun beynəlxalq əlaqələri (1920–2003) // Bakı: Azərbaycan MEA Tarix İnstitutunun Elmi Əsərləri, 2010. Cild 34–35. S. 167–185.
25. Касьянов В. В., Баранов А. В., Яхутль Ю. А. Образование СССР и внутрипартийное противостояние в РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е гг. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. № 2. С. 13–20.
26. Керимова-Коджаева Т. Азербайджанская ССР и США: научно-технические связи в области нефтяной промышленности (20–30-е годы XX столетия) // Azərbaycan tarixşünaslığı. 2023. № 2. S. 45–56.
27. Кузнецова А. А., Филина Н. В. Создание СССР: причины образования и последствия // Молодой учёный. 2019. № 14. С. 130–131.
28. Кульшанова А. А. Доктрина национал-коммунизма: идеология синтеза коммунизма и национализма // Наука, техника и образование. 2017. № 4. С. 83–86.
29. Ковальков М. И. Образование СССР и его влияние на революционное и национально-освободительное движение // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2023. № 19. С. 213–215.
30. Ленин и Академия наук / под ред. П. Н. Поспелова. М.: Наука, 1969. 341 с.
31. Люцканов Й. Образование СССР: Взгляд на проблему межэтнического регулирования в XX веке спустя 100 лет // Вестник гуманитарного университета. 2023. № 1. С. 119–134.
32. Марченя П. П. Империя – Смута – Империя: историческая логика системных кризисов России, или формула русского транзита // Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР / под ред. Е. Б. Дудниковой, Н. В. Шалаевой. Саратов: ЦеСАин, 2023. С. 6–30.
33. Марченя П. П. История России как путь к Победе: императивы Русской идеи в условиях войны // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 3. С. 25–25.
34. Марченя П. П. Конституционализм и массы в истории системных кризисов России: иллюзии и реалии русского правового сознания // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2023. № 3. С. 80–93.
35. Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М.: МосУ МВД России, 2017. 123 с.
36. Марченя П. П. Россия как Империя и Смута как расстройство ее цивилизационной идентичности // Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С. Р. Аблеев, А. Л. Золкин, С. И. Кузьминская, П. П. Марченя. М.: МосУ МВД России, 2017. С. 67–129.
37. Марченя П. П., Разин С. Ю. Империя Россия: по материалам научного проекта «Народ и власть» // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2020. Т. 12. № 3. С. 127–136.
38. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17.
39. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // Власть. 2010. № 5. С. 10–14.
40. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // Власть. 2010. № 6. С. 13–17.
41. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // Власть. 2010. № 7. С. 9–14.
42. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // Власть. 2010. № 8. С. 9–13.
43. Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // Власть. 2010. № 9. С. 16–21.

44. Мусаева Т. Культура Азербайджана на рубеже эпох (20–30-е годы XX столетия). Баку: Elm və təhsil, 2015. 376 с.
45. Наппельбаум М. С. От ремесла к искусству. М.: Искусство. 1958. 142 с.
46. Образование Союза Советских Социалистических Республик / сост. С. В. Хармандарян, С. И. Якубовская. М.: Наука, 1972. 533 с.
47. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛО, 2010. 496 с.
48. Raleigh D. J. Experiencing Russia's civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922. Oxford, 2002. 438 s.
49. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: документы и материалы. 1923 г. / сост. В. П. Вилкова. М.: РОССПЭН, 2004. 461 с.
50. Романова Н. С. Мировоззренческая функция социалистической обрядности. К.: Наукова думка, 1987. 187 с.
51. Россия державная. Ч. 1 / под ред. Ю. М. Осипова, М. М. Гузева, Е. С. Зотовой. М.; Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. 472 с.
52. Рущинская И. И. Иконография Сталина. Репрезентация власти в советском искусстве 1930–1950-х годов. М.: БуксМАрт, 2021. 190 с.
53. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 892 с.
54. СССР–100: круглый стол научного проекта «Народ и власть» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2022. № 4. С. 77–89.
55. Теплова Е. Визуальные образы советского детства // Этнодиалоги. 2020. № 3. С. 142–156.
56. Фан И. Б., Багичева Н. В. «Поднять инстинкты на вершину сознательности»: «новый человек» в идеологическом дискурсе большевиков // Политическая лингвистика. 2021. № 5. С. 86–97.
57. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
58. Chodubski A. Aktywność kulturalna Polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku. Gdańsk: Wydawn. Uczelniane Uniwersytetu Gdańskiego, 1986. 60 s.
59. Шалаева Н. В. Формирование образа советской власти (1917–1920-е гг.): теоретический аспект изучения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 76–81
60. Шалаева Н. В. Образ советской власти: конструируя новую социальную реальность // Листая страницы истории... К 100-летию образования СССР / под ред. Е. Б. Дудниковой, Н. В. Шалаевой. Саратов: ЦеСАин, 2023. С. 231–253.

REFERENCES

1. Abramov, S. G., Kuznetsova, A. A. & Filina N. V. (2019). Creation of the USSR: Causes of Formation and Consequences. In: *Young Scientist*, 14, 130–131 (in Russ.).
2. Aleksandrova, M. V. (2022). Soviet Discourse in the Sociocultural Space of a Historical City (Based on the Example of Yaroslavl). In: *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 6, 236–243 (in Russ.).
3. Ashnin, F. D. & Alpatov, V. M. (1998). The Case of Bekir Chobanzade. In: *Vostok*, 5, 125–133 (in Russ.).
4. Amirova, L. R. & Myslyaeva, N. S. (2019). Formation of the USSR. In: *E-SCIO*, 11, 462–467 (in Russ.).
5. Antonov-Ovseenko, V. A. (1932). *Notes on the Civil War. Vol. 3*. Moscow, Leningrad: Supreme Military Editorial Council (in Russ.).
6. Babayev, A. (2006). *Türksöyün birlik səsi*. Bakı: Təhsil.
7. Bombeyli professor Modi Azərbaycan haqqında. In: *Bakı: Maarif və mədəniyyət*, 1925, no. 2, s. 37–38.
8. Borisenko, V. K. (1988). *Wedding traditions and ceremonies in Ukraine*. Kyev: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
9. Bochkareva, A. S. & Khotina, Yu. V. (2016). Forms of propaganda and mass art in the 20s of the twentieth century in Russia. In: *Scientific journal of KubSAU*, 121. URL: <https://ej.kubagro.ru/2016/07/pdf/34.pdf> (accessed: 09.03.2024) (in Russ.).
10. Lenin, V. I. (2017). *Unknown documents. 1891–1922*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
11. Gennep, van A. (1999). *Rites de transition: Systématique. Étude des rites*. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ. (in Russ.).
12. Glebkin, V. (1998). *Ritual in Soviet Culture*. Moscow: Janus Publ. (in Russ.).
13. Golomshtok, I. (1994). *Totalitarian Art*. Moscow: Galart Publ. (in Russ.).
14. Korolivsky S. M., ed. (1967). *The Civil War in Ukraine 1918–1920. Vol. 2: The Struggle Against Denikin*

- and Petliura in Ukraine. May 1919 – February 1920. Kyiv: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
15. Dashkova, T. (2002). *Culture and Power in the Context of the Communication Revolution of the Twentieth Century: Ideology in Faces. Formation of the Visual Canon in Soviet Women's Magazines of the 1920s and 1930s*. Moscow: AIRO-XX (in Russ.).
 16. Dashibalova, I. N. *The Image of Childhood in the Soviet Visual Discourse of the 1930s*. URL: <http://ik.childsoc.ru/doc/tashibalova.pdf> (accessed: 05.03.2024) (in Russ.).
 17. Emelyanova, K. L. & Beskorovainaya, M. S. (1979). *Soviet family and everyday rituals*. Leningrad: Znanie Publ. (in Russ.).
 18. Zdorovega, N. I. (1974). *Drawings of folk merry rituals*. Kyev: Naukova Dumka Publ. (in Russ.).
 19. Belov, G. A. et al, eds. (1961). *From the history of the Civil War in the USSR. T. 3. February 1920 – October 1922*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (in Russ.).
 20. Osipova, Yu. M., Bugayan, I. R. & Zotova, E. S., eds. (2005). *Empire of Russia*. Moscow: Izd-vo MGU; Rostov n/D.: Izd-vo Rost. Un-ta Publ. (in Russ.).
 21. Ioffe, A. E. (1975). *International Relations of Soviet Science, Technology and Culture. 1917–1932*. Moscow: Nauka (in Russ.).
 22. Kakurin, N. (2002). *Civil War in Russia: War with the White Poles*. Moscow: AST Publ.; St. Petersburg: Terra Fantastica Publ. (in Russ.).
 23. Kalashnikov, V. V. (2023). Formation of the USSR. Experience of Ukraine. In: *Alternatives*, 3, 106–120 (in Russ.).
 24. Karimova, T. (2010). Azerbaijan Milli Elmlər Akademiyası A. A. Bakıxanov's work on the formation of the Soviet Union's Institute of Political Science (1920–2003). In: *Baku: Azerbaijan MEA Institute of Political Science*, 34–35, pp. 167–185.
 25. Kasyanov, V. V., Baranov, A. V. & Yakhutl, Yu. A. (2022). Formation of the USSR and intra-party confrontation in the RCP(b) – VKP(b) in the 1920s. In: *Humanitarian, socio-economic and social sciences. Series: Historical sciences. Cultural studies. Political sciences*, 2, 13–20 (in Russ.).
 26. Kerimova-Kodjaeva, T. (2023). Azerbaijan SSR and the USA: Scientific and Technical Ties in the Oil Industry (1920s–1930s). In: *Azerbaijan News*, 2, 45–56 (in Russ.).
 27. Kuznetsova, A. A. & Filina, N. V. (2019). Creation of the USSR: Causes of Formation and Consequences. In: *Young Scientist*, 14, 130–131 (in Russ.).
 28. Kulshanova, A. A. (2017). The Doctrine of National Communism: The Ideology of the Synthesis of Communism and Nationalism. In: *Science, Technology and Education*, 4, 83–86 (in Russ.).
 29. Kovalkov, M. I. (2023). Formation of the USSR and its influence on the revolutionary and national liberation movement. In: *Position. Philosophical problems of science and technology*, 19, 213–215 (in Russ.).
 30. Pospelov, P. N., ed. (1969). *Lenin and the Academy of Sciences*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
 31. Lyutskanov, J. (2023). Formation of the USSR: A Look at the Problem of Interethnic Regulation in the 20th Century 100 Years Later. In: *Bulletin of the Humanitarian University*, 1, 119–134 (in Russ.).
 32. Marchenya, P. P. (2023). Empire – Time of Troubles – Empire: Historical Logic of Russia's Systemic Crises, or the Formula of Russian Transit. In: *Turning the Pages of History... On the 100th Anniversary of the Formation of the USSR*. Saratov: TseSAin Publ., pp. 6–30 (in Russ.).
 33. Marchenya, P. P. (2023). The History of Russia as a Path to Victory: Imperatives of the Russian Idea in Wartime. In: *Science. Society. Defense*, 11, 3, 25–25 (in Russ.).
 34. Marchenya, P. P. (2023). Constitutionalism and the Masses in the History of Systemic Crises in Russia: Illusions and Realities of Russian Legal Consciousness. In: *Historical and Legal Problems: A New Perspective*, 3, 80–93 (in Russ.).
 35. Marchenya, P. P. (2017). *The Masses and Mass Consciousness: A Factor of Social Stability or a Threat to National Security? Lessons from the History of Russian Revolutions*. Moscow: MosU MVD Rossii (in Russ.).
 36. Marchenya, P. P. (2017). Russia as an Empire and the Time of Troubles as a Disorder of Its Civilizational Identity. In: *Civilizational Sovereignty of Russia: Problems and Discussions*. Moscow: MosU MVD Rossii Publ., pp. 67–129 (in Russ.).
 37. Marchenya, P. P. & Razin, S. Yu. (2020). Empire Russia: Based on the Materials of the Scientific Project "People and Power". In: *Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archeology. Philosophy. Political Science*, 12, 3, 127–136 (in Russ.).

38. International Round Table "People and Power in the Russian Time of Troubles": Part 1 (2010). In: *The Authority*, 4, 14–17 (in Russ.).
39. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 2 (2010). In: *The Authority*, 5, 10–14 (in Russ.).
40. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 3 (2010). In: *The Authority*, 6, 13–17 (in Russ.).
41. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 4 (2010). In: *The Authority*, 7, 9–14 (in Russ.).
42. International round table "People and Power in the Russian Time of Troubles". Part 5 (2010). In: *The Authority*, 8, 9–13 (in Russ.).
43. International round table "People and power in the Russian time of turmoil". Part 6 (2010). In: *The Authority*, 9, 16–21 (in Russ.).
44. Musayeva, T. (2015). *The culture of Azerbaijan at the turn of eras (20–30s of the twentieth century)*. Baku: Elm və təhsil (in Russ.).
45. Nappelbaum, M. S. (1958). *From craft to art*. Moscow: Art Pul. (in Russ.).
46. Harmandaryan, S. V. & Yakubovskaya, S. I., eds. (1972). *Formation of the Union of Soviet Socialist Republics*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
47. Plamper, Ya. (2010). *Alchemy of Power. The Cult of Stalin in the Fine Arts*. Moscow: NLO Publ. (in Russ.).
48. Raleigh, D. J. (2002). *Experiencing Russia's civil war: politics, society, and revolutionary culture in Saratov, 1917–1922*. Oxford.
49. Vilkova V. P., ed. (2004). *RCP(b): Intra-Party Struggle in the Twenties: Documents and Materials*. 1923. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
50. Romanova, N. S. (1987). *The worldview function of socialist rituals*. Kyev: Naukova Dumka (in Russ.).
51. Osipov, Yu. M., Guzev, M. M., Zotova E. S., eds. (2006). *Sovereign Russia. Part 1*. Moscow, Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo Publ. (in Russ.).
52. Rutsinskaya, I. I. (2021). *Stalin's iconography. Representation of power in Soviet art of the 1930–1950s*. Moscow: BuksMArt Publ. (in Russ.).
53. Soloviev, V. S. (1990). Justification of good. Moral philosophy. In: *Works. Vol. 1*. Moscow: Mysl Publ. (in Russ.).
54. USSR-100: Round table of the scientific project "People and Power" (2022). In: *Gasyrlar avazy – Echo of the centuries*, 4, 77–89 (in Russ.).
55. Teplova, E. (2020). Visual images of Soviet childhood. In: *Ethnodialogues*, 3, 142–156 (in Russ.).
56. Fan, I. B. & Bagicheva, N. V. (2021). "Raising instincts to the pinnacle of consciousness": "new man" in the ideological discourse of the Bolsheviks. In: *Political linguistics*, 5, 86–97 (in Russ.).
57. Foucault, M. (1996). *Archeology of knowledge*. Kyiv: Nika-Center Publ. (in Russ.).
58. Chodubski, A. (1986). *Aktywność kulturalna polaków w Azerbejdżanie w XIX i na początku XX wieku*. Gdańsk, Wydawn: Uczelniane Uniwersytetu Gdańskiego.
59. Shalaeva, N. V. (2013). Formation of the image of Soviet power (1917–1920s): theoretical aspect of the study. In: *Theory and practice of social development*, 12, 76–81 (in Russ.).
60. Shalaeva, N. V. (2023). The image of Soviet power: constructing a new social reality. In: *Turning the pages of history... On the 100th anniversary of the formation of the USSR*. Saratov: TseSAin Publ., pp. 231–253 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марченя Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и права Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: marchenyap@gmail.com

Анфертьев Иван Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: anfertiev.i@rggu.ru

Учаев Антон Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина;
e-mail: uchaevan@gmail.com

Шалаева Надежда Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова;
e-mail: shalaevanv@vavilovsar.ru

Пенькова Оксана Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Донецкого государственного университета;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Филатов Юрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Донецкого государственного университета;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Керимова-Коджаева Тамилла Сабир кызы – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории имени А. А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана;
e-mail: tomakerimova50@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel P. Marchenya – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Head, Department of State History and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
e-mail: marchenyap@gmail.com

Ivan A. Anfertiev – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Modern Russian History, Historical and Archival Institute, Russian State University for the Humanities;
e-mail: anfertiev.i@rggu.ru

Anton N. Uchaev – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Prof., Department of History and Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin;
e-mail: uchaevan@gmail.com

Nadezhda V. Shalaeva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Social and Humanitarian Sciences, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov;
e-mail: shalaevanv@vavilovsar.ru

Oksana B. Penkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department Head, Department of Russian History, Donetsk State University;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Yuri I. Filatov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History, Donetsk State University;
e-mail: moruzhenko63@mail.ru

Tamilla Sabir kzy Kerimova-Kodzhaeva – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Leading Researcher, A. A. Bakikhanov Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan;
e-mail: tomakerimova50@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новые грани актуальных проблем новейшей истории / П. П. Марченя, И. А. Анфертьев, Н. В. Шалаева, А. Н. Учаев, О. Б. Пенькова, Ю. И. Филатов, Т. Керимова-Коджаева // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 2. С. 121–143.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-121-143

FOR CITATION

Marchenya P. P., Anfertiev I. A., Shalaeva N. V., Uchaev A. N., Penkova O. B., Filatov Yu. I., Kerimova-Kodzhaeva T. New facets of the current problems of modern history. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2025, no. 2, pp. 121–143.
DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-121-143